

УДК 394:323.1

М. Р. Арпентьева

*Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского, ул. Разина, 26,
г. Калуга, 248023, Российская Федерация
E-mail: arpentevamr@tksu.ru*

П. Вереш об истории и языках финно-угорских народов

Статья посвящена вопросам междисциплинарного подхода для разрешения ряда актуальных проблем в современном финно-угроведении, анализа процессов и результатов как распада финно-угорской общности. В статье на материалах работ П. Вереша и иных исследователей показана продуктивность и эффективность привлечения к разрешению таких задач не только теорий и практик лингвистики, этнографии, археологии, но и исторической географии, палеоклиматологии, палинологии. Рассматриваются некоторые вопросы этногенетики родственных народов (венгров, хантов, манси и удмуртов). Исследование этногенеза венгров и связанных с ним финно-угорских народов предполагает территориальную локализацию и определение хронологических рамок существования уральской языковой семьи. Уральская прародина была обнаружена на территориях смешения разных видов лесов и степи, однако в ее определении важным является учет миграций и изменений климата. Преобразование архаичной экономики и миграции венгров и иных финно-угорских народов в восточной и иных частях Южного Урала было вызвано изменениями окружающей среды, что привело к появлению разнообразных экотипов и фенотипов прото-угров и разделению протоугорских культур, дезинтеграции языкового сообщества. Сложные хозяйственно-экономические, а также этнические процессы дифференциации происходили одновременно с экологическими изменениями, скорее всего, в переходный период между бронзовым веком и железным веком.

Ключевые слова: финно-угорская лингвистическая общность, уральская прародина, рефугиум, фратрия, ханты, манси, мадьяр, языковая интеграция.

Проблемы лингвогенеза — это проблемы истории этносов. На примере многочисленных народов России, также истории народов Евразии можно увидеть, насколько тесно связаны и насколько сложно выстроены взаимоотношения народов и их культур. Один из ярких примеров — история финно-угорских народов, которая, вместе с народами славянскими и тюркскими, придает необыкновенный колорит и рождает множество загадок развития российского суперэтноса. В этом поле много интересных и рождающих все новые вопросы исследований, включая «весьма необычный этногенез и раннюю этническую историю мадьяров первого тысячелетия нашей эры: последняя тесно связана с (первоначально лесными) территориями бывшего СССР и нынешней России. Наиболее близки по происхождению и языку мадьярам или венграм обские угры: ханты и манси Западной Сибири, а также — древние башкиры, к которым иногда «приравнивают» древних венгров. Дело в том, что *мадьяры* — «единственный народ среди этносов, говорящих на финно-угорских или уральских языках, который в ходе их этногенеза переместился из северо-евразийской лесной области в степную зону, и там (на рубеже IX—X веков нашей эры — А. М.) приобрел черты типичного кочевого хозяйства — *номадизма*», — пишут П. Вереш и его соавтор А. Пекина [Вереш, Пекина, 2018, с. 96]. П. Вереш отмечает, что «культурные реликты хантов и манси (по языку

наиболее близких родственников венграм) могут отражать явления, возникшие в ходе этногенеза этих народов, даже и в такие отдаленные периоды, как эпохи формирования уральской или распада финно-угорской лингвистической общности» [Вереш, 2011, с. 121]. Сюда, кроме прочего, относятся, например, «дихотомическая символическая классификация, тесно связанная, по всей видимости, с весьма архаичной дуальной социальной организацией хантов и манси, представляющих собой фратрии Пор и Мось... Фратриальная система... возникла на основе этнического смешения двух разных этносов — аборигенов и пришлых с юга угров, когда в ходе постепенной языковой и этнической интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга экзогамный брачный класс (*moiety*) (по В. Н. Чернецову, фратрию)» [Вереш, 2011, с. 122]. Мифы финно-угров, по данным его предшественников, повествуют, что члены фратрии Мось, охотники и рыболовы, называются «сыромясным народом», а люди Пор, более высокоразвитой, но «чужой» культуры, корни которой якобы связаны с иранскими предками фратрии, — «вареномясным народом». Однако В. Н. Чернецов отмечает, что в культурно-историческом плане противопоставление эпитетов «сыромясной» и «вареномясной» по фратриям не имеет под собой никакой реальной почвы. Кроме того, по его данным, «сыромясной» относится именно к фратрии Пор, а «вареномясной» — к фратрии Мось, т. е. его материалы совершенно противоположны материалам Н. Л. Гондатти и иных исследователей [Вереш, 2014, с. 46; 4]. Однако важен сам по себе «удивительный дуализм мифологии и социального устройства угров Западной Сибири, которые являются самыми близкими родственниками венгров внутри уральской (финно-угорской) языковой семьи... У народов, чья общественная структура имеет архаичное двойное деление, ряды положительных и отрицательных символов дуально-символической классификации обычно группируются по фратриям (по брачным классам) раздельно. Поэтому дуальные половины общества выглядят как бы соперничающими, дразнящими друг друга или даже враждующими, хотя взаимные браки в соответствии с экзогамными нормами тесно их связывают» [Вереш, 2014, с. 47]. Это весьма заметно у обских угров. При этом «экзогамная группа Мось связана с верховным богом Нуми-Торумом и его сыном Мир-сусне-хумом, а не с отрицательным мифическим женским персонажем, с которым связывается группа Пор... у людей Мось, т. е. «сыромясного народа», предком считается положительный мужской персонаж — крылатый всадник «За народом смотрящий человек», а у людей брачного класса Пор, «вареномясного народа» — отрицательный женский образ Пор-нэ, то есть первая фратрия представляет в мифологии и космологии угров верхний, а вторая — нижний мир. Однако противопоставление «сырое — вареное» по фратриям не отражает процессов этнического смешения у обских угров, не имеет под собой никаких реальных культурных различий, как ошибочно предполагали Я. Харматта и Д. Ласло [Вереш, 2014, с. 48]. При этом «угорская этнолингвистическая общность, куда входили общие предки обских угров и венгров, после тысячелетнего (а возможно, и более длительного) совместного проживания на юго-восточных окраинах бывшей уральской прародины финно-угров в лесостепях Западной Сибири расформировалась на рубеже II—I тыс. до н. э. Протовенгров заставили переселиться на юг значительные экологические изменения, а именно — интенсивное заболачивание их лесостепной этнической территории Зауралья; это же заболачивание вытеснило предков обских угров на таежный север». Древние венгры во время переселения в степную зону избрели номадизм — кочевое скотоводство как совершенно новый для них культурно-хозяйственный тип (ХКТ), помогающий им выжить на фоне ухудшающихся климатических условий.

Согласно работам А. В. Коротаяева и Д. А. Халтуриной в «XII—X вв. до н. э. в Западной Сибирской степи и соседней аридной территории Северного

Закаспия наблюдалось сильное смешение восточных финно-угров и иранцев [Коротаев, Халтурина, 2010]. Этот важный район одновременно был не только центром моноцентрического возникновения и распространения евразийского номадизма, но и этнической территорией древних венгров, где начиная с XII века до н. э. формировался их андроновский антропологический тип [Марков, 2010, с. 30; Марков, 1976]. Особенно важным в свете концепций Г. Е. Маркова (о моноцентрическом возникновении номадизма) и исследований А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной, Т. Тота, и Г. Ф. Дебеца, В. В. Напольских «является то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Приаралья (Миздахкан)... Помимо фольклорного материала относительно архаичной дуалистической космогонической мифологии андроновцы-иранцы непосредственно заимствовали от уральцев также специальные гены «...» финно-угорских народов «...», финно-угры опосредованно, через иранцев даже влияли на дуальные сюжеты Библии» [Вереш, 2014, с. 49; Коротаев, Халтурина, 2010, с. 175–182]. Важно то, что «дуалистическая космогония не реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, — иранцы, которые интенсивно контактировали с финно-уграми и именно благодаря им заимствовали дуалистические космогонические мифы древних уральцев» [Коротаев, Халтурина, 2010, с. 175–182]. «До сих пор не найдено данных о лингвистических контактах между протоиндоевропейцами и протоуральцами, до сих пор нет оснований полагать, что арии или индоиранцы в целом исходно имели какие-либо древнейшие свидетельства присутствия дуалистических космогонических мотивов, обнаруживаемых исключительно только в ранних авестийских текстах, датированных около XII—X вв. до н. э.». П. Вереш резонно добавил: именно тогда, когда хронологически возникло евразийское кочевничество «...» в степной зоне под этнокультурным и генетическим влиянием южных групп финно-угров». Таким образом, «южная часть древних финно-угров — далеких предков венгров — мигрировала в степь Западной Сибири на рубеже II—I тысячелетий до н. э., потом — в соседний полупустынный регион нынешнего Казахстана, где с XII века до н. э. начинал формироваться их андроновский антропологический тип на иранском этническом субстрате» (по мнению Т. Тота) [Лимборская, Хустундинова, Балановская]. Иными словами, «древние венгры весьма активно участвовали в создании нового подвижного культурно-хозяйственного типа — номадизма и стали среди финно-угров единственным типичным кочевническим этносом, с которым не могли конкурировать в степи даже арийцы-иранцы, а позже и тюркские (полу)кочевники, тем более — ассимилировать их по языку и этнически» [Вереш, 2014, с. 50]. Это сильное влияние финно-угров на соседние народы и слабое ответное влияние связано с тем, что «культурная адаптация к неожиданным экологическим условиям стимулирует выявление потенциальной креативности любого народа» [Вереш, 2014, с. 51]. Он также отмечает, что согласно традиционной «методике финно-угристики, древними считаются исключительно лишь те слова, относящиеся к уральской или финно-угорской эпохе, которые можно выявить в настоящее время и во всех отдельных подгруппах этой языковой семьи...», однако «этот важный и часто успешный метод сравнительной лингвистики в отдельных случаях таит в себе возможность ... ошибок. Ведь отдельные слова могли исчезнуть сравнительно недавно» [Вереш, 2011, с. 124]. «Финно-угорская общность вследствие экологических причин распалась, по видимому, во второй половине III тыс. до н. э.», генетики выявили некоторые

мутации возрастом около 4000 лет, которые встречаются только в северо-восточных областях Европы и отражают «миграцию финно-угорских популяций с Уральских гор в сторону Балтики» [Сальников, 1967, с. 14].

При этом «древне-угорская этноязыковая общность, возникшая в Зауралье после распада финно-угорского единства, имела андронидный культурный облик и, по-видимому, уральский антропологический тип» [Вереш, 2011, с. 128]. Этот тип связан с древними уграми — общими предками венгров и обских угров [Чернецов, 1963, с. 158; Косарев, 1981, с. 223]. «Однако после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры окончательно разделились на две ветви. В распаде угорской общности большую роль играли сложные эколого-климатические и культурные процессы на рубеже II—I тыс. до н. э.» [Вереш, 2011, с. 128; Марков, 2010, с. 33; Марков, 1976, с. 98; Зданович, 1988, с. 11; Дебец, 1968, с. 43–45]. Начало усть-полуйской культуры (около V—II вв. до н. э.) положила «северная часть древних угров, предков манси и ханты, начиная с XII в. до н. э., постепенно, в несколько этапов, переселяется в бассейн Нижней и Средней Оби — на их современную этническую территорию» [Смирнов, 1964, с. 245]. «Южная часть угров — предков венгров — мигрировала в это же время из лесостепного Зауралья в степную зону Западной Сибири. ... Переселение протовенгров на юг отражает черкаскульская археологическая культура, которая между XII—X вв. до н. э. вклинивается в евразийскую степную зону» [Кёппен, 1886, с. 233; Радлов, 1989, с. 67].

В евразийской степной зоне на рубеже II—I тыс. до н. э. происходили по сути «революционные хозяйственные изменения, зарождался новый, специализированный хозяйственно-культурный тип — кочевое скотоводство (номадизм)» [Вереш, 2011, с. 129]. В результате «венгры — единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону, и там приобрел черты типичного кочевого этноса» [Вереш, 2011, с. 130], кроме того, теперь антропологические типы обских угров и венгров существенно отличны: первый типичен для уральской, второй — для европеоидной рас. «Население андроновской культуры I тыс. до н. э. стало ... основой этнического формирования ираноязычных савроматов и южных групп угров, то есть древних венгров, с XII — II вв. до н. э.» [Вереш, 2011, с. 130; Хотинский, 1977, с. 16; Волкова, Белкова, 1980, с. 235, 187; Вереш, 1984, с. 115–189, 149–161]. Далее, «до 895 г. нашей эры от основной части венгерского этноса отделилось несколько групп, одна из которых мигрировала в сторону Кавказа и осела на территории современной Армении, а другая часть осталась в районе Башкирии или западнее ее, где в XIII в.» была обнаружена [Вереш, 2011, с. 133].

Венгерские племена представляли собой типичных кочевников. Лингвистический поиск финно-угорской прародины, из которой предки венгров расселились по Европе, сфокусировался на их современной родине в среднем Подунавье, но интересным является и поиск прародины в сфере «праязыковых экологических ареалов», то есть современная территория обских угров [Вереш, Пекина, 2018, с. 97]. Согласно О. Шрадеру и Ф. П. Кёппену, впервые применившим биогеографический метод, с конца XIX века исходной территорией финно-угров предположительно является область, расположенная между Средним Поволжьем и Уральскими горами [Дебец, 1948/1952, с. 84; Кузьмина, 2008]. Основоположник российской тюркологии В. В. Радлов был против поисков прародины мадьяр и их предков только в Европе, он также указывал на особенности языков алтайцев, наличие в нем близких или одинаковых с мадьярским языком слов [Напольских, 1997, с. 234; Чернецов, 1960]. Кроме того, у финно-угорских и индоевропейских народов есть общие понятия в разных сферах, таким образом, место гипотетической общей прародины нужно предполагать в Северной Азии, в том числе в Алтайском регионе, как раньше предполагали, а не в Восточной Европе. Территория Западной Сибири имеет

непосредственное отношение к поиску финно-угорской прародины. Тем не менее, биогеографическую концепцию поддерживали множество венгерских исследователей, таких, как Дьерфи И., Дьерфи Д., Барци Г., Хайду П., Лигети Л., Рона-Таш А., Кришто Д., Харматта Я., Вашари И. и Палади-Ковач А., Жирай Шебештен И., Ласло Дь., Липтак П., Барта А., Шомоди Ш., Зимони И., Маккаи Й., Турк А., Шугар Москва, Сентпетери Й., Микош Е., Адьягаши К., Шандор К. и Фодор П. [Радлов, 1989, с. 34-67]. Зарубежные исследователи в течение более ста лет неверно полагали, что уральская, финно-угорская и угорская и венгерская прародина находится исключительно в Европе, на территории Поволжья.

Однако в середине XX века П. Хайду обосновал новую, «западно-сибирскую» теорию прародины уральских народов [Иванов, 1984, с. 47-83]: прародину нужно искать в Западно-Сибирской тайге, на субарктическом районе, к северу от Среднего Урала, между Нижней Обью, Уралом и Печорой. Согласно П. Хайду, из Западной Сибири в период VI—V тыс. до н.э. протофинно-угры выделились из уральской языковой общности. В этот же период они практически якобы полностью переселились в Европу, к западу от Урала, в бассейн Печоры и Камы. Здесь они постепенно познакомились с широколиственными лесами и в их языке появились соответствующие названия [Иванов, 1984, с. 56-79]. При этом, П. Хайду, потом Я. Маккаи и К. Виик ошибочно считали, что в конце ледникового периода существовали всего три рефугиума широколиственных лесов в Европе: *иберский*, *балканский* и *украинский*. При этом «украинский» рефугиум Я. Маккаи и К. Виик связывали с прародиной древних финно-угров. Однако это весьма спорное предположение [Вереш, Пекина, 2018, с. 98; 24]: ведь эти зарубежные исследователи совершенно не знали о том, что палинологические исследования Н. А. Хотинского во второй половине XX века показали, что на восточной границе Европы, на Урале во время позднего палеолита и раннего голоцена существовал четвертый первоначальный рефугиум — центр распространения широколиственных лесов [Мажитов, 1988, с. 285]. Это открытие имеет большое значение для финно-угристики и уралолистики в целом. Палинологические результаты Н. А. Хотинского и его учениц (В. С. Волковой и В. А. Белковой) говорят о существовании широколиственных лесов Евразии во всех направлениях [Напольских, 2002, с. 3]. То есть не только во времена финно-угорской эпохи, «но и до этого, то есть во время даже существования уральской прародины, которые аazonально (или интерзонально) в меридиальном направлении пересекали несколько экологических зон с обеих сторон Уральских гор», типичные деревья и тайги и широколиственного леса одновременно находились на территории прародины уральцев и древних финно-угров. Более того, они распространились даже в Зауральской части Западной Сибири [Вереш, Пекина, 2018, с. 99].

Согласно исследованиям П. Вереша, суровый субарктический таежный район между нижним течением Оби и Полярным Уралом не может служить исключительной территорией уральской прародины, как считал П. Хайду. Более вероятен район южного Урала и южной части Западной Сибири, где находился четвертый рефугиум европейских широколиственных лесов и до сих пор растут широколиственные деревья [Вереш, Пекина, 2018, с. 99].

В изучении этногенеза родственных по языку народов (венгров, хантов, манси и удмуртов) важно учитывать, что «для угорского населения хантов и манси таежной зоны Западной Сибири в течение долгого времени (начиная с эпохи средневековья) была характерна известная замедленность социально-экономического развития. В силу этого многие компоненты традиционной культуры обских угров, как и их языки, содержат больше элементов архаики, чем культура остальных финно-угорских народов, живущих к Западу от Урала, т. е. в европейской лесной зоне. Поэтому традиционная культура как манси, так

и близкородственных им по языку хантов может служить надежной основой для историко-этнографической реконструкции, а в ряде случаев даже отражает явления, возникшие в далеком прошлом, в ходе их этногенеза», а «нынешняя этническая территория обских угров полностью входила в прошлом в восточную часть финно-угорской прародины уральских народов» [Вереш, 2014, с. 44].

Таким образом, П. Вереш стремится интегрировать достижения венгерских и российских ученых (Г. А. Аксянова, Б. О. Долгих, И. Ю. Винокурова, В. Е. Владыкин, И. Н. Гемуев, А. В. Головнев, Л. Г. Громова, Н. Н. Гурина, Т. П. Девяткина, В. В. Иванов, Н. В. Лукина, Т. В. Миннихметова, Т. Л. Молотова, И. И. Муллонен, В. В. Напольских, Е. И. Ромбандеева, Н. Ф. Мокшин, А. М. Пекина, Е. В. Перевалова, Е. А. Пивнева, В. М. Повоев, Л. С. Христолюбова, Ю. А. Савватеев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, З. И. Строгальщикова, В. Н. Чернецова, Н. В. Чикина), последовательно вписать их открытия и «противоречия», а также открытия и противоречия иных исследователей в целостную систему, в современную ему венгерскую национальную историографию [Попова, 2015; Aikio, 2014; Festschrift... , 2012; Hajdú, 1964; Häkkinen, 2012; Piispanen, 2015, с. 191-207]. Он апеллирует к необходимости мультидисциплинарного подхода, сопоставлению данных разных наук, к пониманию того, что все условия жизни этноса, начиная от природных и заканчивая языковыми и «геополитическими», изменчивы и влияют на друга [Radloff, 1883; Rudenko, 1969; Schrader, 1911; Schrader, 1886]. Системность его подхода и проблематизация, используемая им в его исследованиях, позволяющая не только обнаруживать, но и разрешать многие «спорные» вопросы уралистики, идея о том, что венгры происходят именно из краев Урала, а их родственниками являются туземные народы Урала и Западной Сибири, встречается с XVI в. в произведениях М. Меховского и С. Герберштейна. Однако, уже в XVIII веке существовали некоторые предположения о том, что венгры, вероятнее всего, происходят с Урала, историками Венгрии до возникновения научной лингвистики первоначально поддерживалась даже ошибочная гипотеза о еврейско-мадьярском языковом родстве; но всегда предполагалось, что мадьяры раньше являлись восточным кочевым народом, родственным с некоторым этносом Востока (турками, тюрками или персами, и т. д.). «Окончательный прорыв» важности финно-угорской теории венгерского языка связан с исследованиями в Венгрии немецкого ученого И. Буденца, осуществленных во времена, когда Венгрия входила в состав Габсбургской Империи, конкретно после венгерской революции и национально-освободительной войны 1848-49 годов, когда были подавлены «Священным Союзом», организованным совместно австрийцами и российским царизмом. Поэтому научная финно-угорская концепция венгерского языка вызвала негативную психологическую реакцию националистических кругов и не была особенно популярна среди населения страны, которое, естественно, не понимало и даже теперь не понимает сложные методы историко-сравнительного языкознания. Консолидация финно-угорской концепции отмечается в конце XIX века, когда происходила серьёзная финно-угро-тюркская лингвистическая научная дискуссия. Однако ориенталистические (тюрские ориентации) гипотезы под влиянием известного путешественника А. Вамбери и/или более ранние гипотезы о восточном или южном (Кавказ, Иран) происхождении венгров существовали еще в XIX веке. До сих пор сторонники старой, «автохтонной» венгерской историографической мысли иногда подчеркивают факт появления мадьяр в Карпатском бассейне раньше 895-900 годов нашей эры (например, в археологической теории о «двойном обретении» родины и т.д.). В настоящее время также дискуссионной остается еще одна проблема — башкиро-мадьярская: некоторые средневековые источники именовали венгров башкирами и локализовали венгерскую прародину в Башкирии (как и некоторые венгерские хроники). Ответ

на этот вопрос остается неясным, несмотря на попытки некоторых ученых: (А. Рона-Таш, Д. Немет, Н. А. Мажитов), а также гипотезу о том, что протovenгры двигались несколькими потоками, один из которых остановился на территории современной Башкирии [Serei, 1970; Tóth, 1969]. В то же время в Финляндии и Эстонии распространены теории «финского автохтонизма», утверждающие о преемственности финно-угорских народов от жителей Прибалтики, появившихся здесь еще в мезолите, после схода ледникового покрова (культуры Кунда и Суомусъярви). Одним из основных пропонентов таких взглядов являлся К. Виик, которого обычно критиковали за националистическую предвзятость, выражающуюся в желании разместить прародину финнов ближе к Европе и дальше от Азии. Хотя он, очевидно, не знаком с исследованиями по финно-угроведению на русском языке, как и итальянский профессор уралистики А. Маркентони. А в работах В. В. Напольских и иных известных исследователей из России и других стран отмечается, что прародину финно-угров не только следует искать по восточную сторону Уральского хребта, но она может располагаться и дальше. Однако, поскольку существуют многочисленные языковые и культурные параллели между финно-угорскими (и в целом уральскими) народами, с одной стороны, и юкагирскими, и тунгусо-маньчжурскими народами, — с другой, то это заставляет полагать, что прародина уральцев располагается еще дальше — на восток. По мнению В. В. Напольских, теория урало-юкагирского родства доказана [Tóth, 1969]. Однако саамский лингвист А. Айкио (который не исключает возможность родства финно-угорских и юкагирских языков на «ностратическом» или «евроазиатском уровнях», а также наличия ранних контактов между носителями этих языков) против этой гипотезы: споры ученых продолжаются [Veres, 1972; Veres, 1988; Veres, 2009;], и работы П. Вереша вносят свой важный вклад, помогая разрешать фиктивные противоречия и ставить новые вопросы.

Список литературы

- Вереш П., Пекина А. М. Проблемы уральской прародины финно-угорских народов // Вестник Калужского государственного университета. 2018. №1. С. 96—100.
- Вереш П. Современные проблемы междисциплинарного исследования в области финно-угроведения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 121—136.
- Вереш П. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 43—52.
- Гондатти, Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. Москва, Книга по Требованию, 2012. 92 с.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция. Москва, 2010. С. 172—182.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Москва, 2010. 317 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Москва, 1976. 298 с.
- Лимборская С. А., Хуснутдинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. Москва, 2002. 264 с.
- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. Москва, 1967. 289 с.
- Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) // I CIFU I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Akadémiai Kiadó. Будапешт, 1963. С. 45—50.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Москва, 1981. 234 с.
- Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 384 с.
- Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В. П. Алексеев, И. С. Гурвич. Москва, 1968. С. 13—22.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Москва, 1964. 235 с.
- Кёппен Ф. П. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индо-европейского и финно-угорского племени // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: Журнал Министерства Народного Просвещения, типография В. С. Балашева, 1886. 125 с.

- Радлов В. В. Из Сибири. Москва, 1989. 750 с.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. Москва, 1977. 245 с.
- Волкова В. С., Белкова В. А. О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // Палеопалинология Сибири. Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. Москва, 1980. С. 28—42, 112—117.
- Вереш П. Т. Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров // Acta Ethnographica. Budapest, 1984. С. 78—118.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Москва—Ленинград, 1948/1952. 392 с.
- Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. Москва—Санкт-Петербург, 2008. 557 с.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 268 с.
- Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) // I. CIFU Будапешт: 1960, I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Budapest: Akadémia Kiadó, 1963. С. 432—439.
- Иванов В. А. Путиями степных кочевий. Уфа, 1984. 135 с.
- Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 88—101.
- Напольских В. В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. / Ред. С. Г. Кляшторный. Казань, 2002. С. 195—203.
- Попова М. С. Формирование финно-угроведения как научной дисциплины в России в первой половине XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2015. №2. С. 94—97.
- Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? // Finnisch-ugrische Forschungen. 2014. Bd. 62, H. 1/3. P. 7-76. (Вопросы языкового родства. 2014. №12, URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=7e8bc8f3-907d-417e-9506-3ddd7b4823a8>)
- Czövek J. Világügyelő. Tanulmányok Hoppál Mihály 70. Születésnapjára // Czövek Judit Dyekiss Virág Szilágyi Zsolt (red.). Budapest: MTA-Magyar Vallástudományi Társaság. 2012. P. 63—79.
- Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264. Helsinki, 2012. S. 91—101.
- Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. No 14. P. 47—83.
- Häkkinen J. University of Helsinki Early contacts between Uralic and Yukaghir // Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue : Festschrift tilagnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 febr. 2012. Helsinki, 2012. P. 91—101.
- Piispanen P.S. The Uralic-Yukaghiric connection revisited: Sound Correspondences of Geminate Clusters // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 2015. № 95. P. 237—273.
- Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig. 1883. 496 s.
- Rudenko S. I. Studien über das Nomadentum / Földes, L. (Ed by.): Wehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969. P. 34—45
- Schrader O. Die Indogermanen, Leipzig. 1911. P. 191—207.
- Schrader O. Linguisistish-historische Forschungen. Jena, 1886. 208p.
- Serei Ch.: The Linguistic Prehistory of Peoples belonging to the Uralic Family of Languages. VIII. Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo, 1970. P. 456—463.
- Tóth T. Az ősmagyarok genezisének szarmatakori etapjáról // MTA II. Oszt. Közleményei. Budapest, 1969. P. 115—189.
- Veres P. A magyar nép etnikai történetének vázlatja // Valóság. 1972. P. 1—14.
- Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // Specimina Sibirica. Pécs: Egyetemi Nyomda. 1988. P. 78-97.
- Veres P. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány — Napkút Kiadó. Budapest, 2009. 165 p.
- Veres P. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change // Occasional Papers in Anthropology. No 5. G. Vargyas (Ed. by). Budapest: 1996. 193p.
- Witsens N. Berichte über dieuralischen Völker. Studia Uralo-Altaica / Ed. by P. Hajdú., T. Mikola., A., Róna-Tas. Studia Uralo-Altaica VII. Szeged: Egyetemi Kiadó, 1975. 107 p.

M. R. Arpentieva

*Tsiolkovskiy Kaluga state University, Razin St., 26,
Kaluga, 248023, Russian Federation
E-mail: arpentevamr@tksu.ru*

P. Veresh about Finnish-Ugorsky peoples' history and languages

The article is devoted to the issues of interdisciplinary approach for resolving a number of topical problems in modern Finno-Ugric studies, analysis of processes and results, as the dissolution of the Finno-Ugric community. In the article on the materials of P. Veresh's works and other researchers the productivity and effectiveness of involving not only the theories and practices of linguistics, ethnography, archeology, but also historical geography, palaeoclimatology, palynology are shown to solve such problems. Some issues of ethnogenetics of related peoples (Hungarians, Khanty, Mansi and Udmurts) are considered. Regarding the ethnogenesis of the Hungarians and of the related Finno-Ugric peoples, the most important and basic point is the territorial localization and chronological determination of the yet undifferentiated Uralic language family. The Uralian 'Urheimat' was sought in a territory where the two kinds of forests intermix at. However, the essential mistake in this localization lies in the projection of the present position of the contact zone between the European leafy forest and the taiga into the remote past. The transformation of the archaic economy in the eastern half of the Southern Urals had been influenced also by environmental changes, as rejected by the emergence of diverse ecotypes among the proto-Ugrians. This led to the disintegration of this linguistic community. The complex economic and, also, ethnic differentiation processes occurred simultaneously with the ecologic changes, most probably in the transitional period between the Bronze Age and the Iron Age.

Keywords: Finno-Ugric language family, Uralian homeland, 'urheimat', refuge, marriage class, phratry, Khanty, Mansi, Magyars, ethnicity, linguistic integration, proto-Ugric form.

References

- Veresh P., Pekina A. M. *Problemy ural'skoj prarodiny finno-ugorskikh narodov* [Problems of the Ural ancestral home of the Finno-Ugric peoples]. In: *Vestnik Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kaluga State University]. Kaluga, 2018. №1. P. 96—100.
- Veresh P. *Sovremennye problemy mezhdistsiplinarnogo issledovaniya v oblasti finno-ugrovedeniya* [Modern problems of interdisciplinary research in the field of Finno-Ugric studies]. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugrian Studies]. 2011. №. 2. P. 121—136.
- Veresh P. *Ehtnologicheskij mif obskikh ugrov: proiskhozhdenie fratral'noj organizatsii i model' mira* [The etiological myth of the Ob Ugrians: the origin of the fractarian organization and the world model]. In: *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Petrozavodsk, 2014. №. 3. P. 43—52.
- Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoj Sibiri* [Traces of paganism in the natives of North-Western Siberia]. Moscow, 2012. 92 p.
- Korotaev A. V., Khalturina D. A. *Mify i geny: Glubokaya istoricheskaya rekonstruktsiya* [Myths and genes: Deep historical reconstruction]. Moscow, 2010. Pp. 172—182.
- Markov G. E. *Kochevniki Azii* [Nomads of Asia]. Moscow, 2010. 317 p.
- Markov G. E. *Kochevniki Azii* [Nomads of Asia]. Moscow, 1976. 298 p.
- Limborskaya S. A., Khusnutdinova E. K., Balanovskaya E. V. *Etnogenomika i genogeografiya narodov Vostochnoy Yevropy* [Ethnogenomics and genogeography of the peoples of Eastern Europe]. Moscow, 2002. 264 p.
- Salnikov K.V. *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of the Southern Urals]. Moscow: Nauka, 1967. 289 p.
- Chernetsov V. N. *K voprosu prarodiny ural'tsev (finno-ugrov i samodytsev)* [On the issue of the ancestral home of the Urals (Finno-Ugrians and Samodians)]. // I CIFU I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1963. C. 45—50., I CIFU I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1963. P. 45—50.

- Kosarev M. F. *Bronzovyy vek Zapadnoj Sibiri* [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, 1981. 234 p.
- Zdanovich G. B. *Bronzovyy vek Uralo-Kazahstanskih stepej* [Bronze age of the Ural-Kazakhstan steppes]. Sverdlovsk, Publishing house Ural. University, 1988. 384 p.
- Debets G. F. Opyt kranioметрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР [Experience in the Craniometric Determination of the Ratio of the Mongoloid Component in the Mixed Groups of the Population of the USSR] In: *Problemy antropologii i istoricheskoy ehtnografii Azii* [Problems of Anthropology and Historical Ethnography of Asia]. Moscow, 1968. P. 13—22.]
- Smirnov K. F. Savromaty [Savromaty]. Moscow, 1964. 235 p.
- Köppen F. P. Materialy k voprosu o pervonachal'noj rodine i pervobytnom rodstve indoevropskogo i finno-ugorskogo plemeni [Materials on the question of the original homeland and primitive kinship of the Indo-European and Finno-Ugric tribes]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg, 1886. 125 p.
- Radlov V. V. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow, 1989. 750 p.
- Khotinsky N. A. *Golocen Severnoj Evrazii* [Holocene of Northern Eurasia]. Moscow, 1977. 245 p.
- Volkova V. S., Belkova V. A. O roli shirokolistvennykh porod rastitel'nosti v golocene Sibiri [About the role of broadleaf vegetation in the Holocene of Siberia]. In: *Paleopaleontologiya Sibiri* [Paleopaleontology of Siberia]. Moscow, 1980. P. 28—42, 112—117.
- Veresh P. T. *Problemy ehthnogeneza finno-ugorskih narodov i vengrov* [Problems of ethnogenesis of Finno-Ugric peoples and Hungarians]. In: *Acta Ethnographica*. Budapest, 1984. P. 78—118.
- Debets G. F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow-Leningrad, 1948/1952. 392p.
- Kuzmina E. E. *Arii — put' na yug* [Arii — the way to the south]. Moscow-Sankt Petersburg, 2008. 557 p.
- Napolskykh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical Uralistics]. Izhevsk, 1997. 268 p.
- Chernetsov V. N. K voprosu prarodiny ural'cev (finno-ugrov i samodijcev) [On the issue of the ancestral home of the Urals (Finno-Ugrians and Samodians)]. In: *Nemzetközi Finnugor Kongresszus* [International Finno-Ugric Congress]. Budapest, 1963. P. 432—439.
- Ivanov V. A. *Putyami stepnykh kochevij* [Ways of steppe nomadic]. Ufa, 1984. 135 p.
- Majitov N. A. Istoricheskaya Bashkiriya po dannym pis'mennykh istochnikov i arheologii [Historical Bashkiria according to written sources and archeology]. In: *Problemy drevnih ugrov na YUzhnom Urale* [Problems of ancient Ugrians in the Southern Urals]. Ufa, 1988. P. 88—101.
- Napolskykh V. V. Predystoriya narodov ural'skoj yazykovoj sem'i [Prehistory of the peoples of the Ural language family]. In: *Istoriya tatar s drevnejshih vremyon v semi tomah. T. 1. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti* [History of the Tatars from ancient times in seven volumes. T. 1. Peoples of the steppe Eurasia in antiquity]. Kazan, 2002. P. 195—203.
- Popova M. S. Formirovanie finno-ugrovedeniya kak nauchnoj discipliny v Rossii v pervoj polovine XIX veka [Formation of Finno-Ugric Studies as a Scientific Discipline in Russia in the First Half of the 19th Century]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. Voronezh, 2015. No 2. P. 94—97.
- Aikio A. The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 2014. Bd. 62, H. 1/3. P. 7-76. (Вопросы языкового родства. 2014. №12. URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=7e8bc8f3-907d-417e-9506-3ddd7b4823a8>)
- Czövek J. Világügyelő. Tanulmányok Hoppál Mihály 70. Születésnapjára // Czövek Judit Dyekiss Virág Szilágyi Zsolt (red.) . Budapest: MTA-Magyar Vallástudományi Társaság. 2012. P. 63-79. [Czövek J. Világügyelő. Tanulmányok Hoppál Mihály 70. születésnapjára. In: Czövek Judit Dyekiss Virág Szilágyi Zsolt (red.). Budapest: MTA-Magyar Vallástudományi Társaság. 2012. P. 63—79.]
- Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264. Helsinki, 2012. P. 91—101.
- Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // *Acta Linguistica*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. No 14. P. 47—83. [Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. *Acta Linguistica*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. No 14. P. 47—83.]

- Häkkinen J. University of Helsinki Early contacts between Uralic and Yukaghir // *Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue : Festschrift tilagnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 febr. 2012.* Helsinki, 2012. P. 91—101.
- Piispanen P.S. The Uralic-Yukaghiric connection revisited: Sound Correspondences of Geminate Clusters // *Journal de la Societe Finno-Ougriene.* 2015. № 95. P. 237—273.
- Radloff W. *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche.* Leipzig. 1883. 496 s.
- Rudenko S. I. *Studien über das Nomadentum / Földes, L. (Ed by.): Wehwirtschaft und Hirtenkultur.* Budapest, 1969. P. 34—45.
- Schrader O. *Die Indogermanen,* Leipzig. 1911. P.191—207.
- Schrader O. *Lingusistish-historische Forschungen.* Jena, 1886. 208p.
- Serei Ch.: The Linguistic Prehistory of Peoples belonging to the Uralic Family of Languages. VIII. Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo, 1970. P. 456—463.
- Tóth T. Az ősmagyarok genezisének szarmatakori etapjáról // *MTA II. Oszt. Közleményei.* Budapest, 1969. P. 115—189.
- Veres P. A magyar nép etnikai történetének vázlatja // *Valóság.* 1972. P. 1—14.
- Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // *Specimina Sibirica.* Pécs: Egyetemi Nyomda. 1988. P. 78—97.
- Veres P. *Mérföldkövek a magyar őstörténetben.* Cédrus Művészeti Alapítvány– Napkút Kiadó. Budapest, 2009. 165 p.
- Veres P. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change // *Occasional Papers in Anthropology.* No 5. G. Vargyas (Ed. by). Budapest: 1996. 193 p.
- Witsens N. *Berichte über dieuralischen Völker.* *Studia Uralo-Altaica / Ed. by P. Hajdú., T. Mikola., A., Róna-Tas.* *Studia Uralo-Altaica VII.* Szeged: Egyetemi Kiadó, 1975. 107 s.